

О П Ы Т З А Р У Б Е Ж Н О Й М О Д Е Р Н И З А Ц И И

*А.Ш. ЖВИТИАШВИЛИ***Андеркласс на Западе:
дискуссии и реальность**

В конце XX в. начались "серьезнейшие трансформационные процессы, принципиально меняющие систему социальных отношений, а также позиции и облик социальных групп в наиболее развитых странах, перешедших в постиндустриальную стадию развития" [Шкаратан, Иняевский, 2007, с. 64]. В контексте этих процессов следует рассматривать и возникновение новых социальных слоев, одним из которых является андеркласс. Это понятие, введенное в научный оборот во второй половине XX в. американским исследователем Дж. Мирдалом, с самого начала не было однозначным. В западной социологии наметилось несколько позиций, методологически отличающихся друг от друга. Влиятельная группа исследователей (А. Гидденс, У. Уилсон, Х. Генс, К. Аулетта и др.) рассматривают андеркласс как внутренний продукт стратификационных процессов постиндустриального мира. В него включаются "свои" чернокожие, "вечные" безработные, иные маргинальные социальные группы. Эту позицию можно назвать интерналистской. Ее разделяют многие западные социологи. В то же время среди этой части западного научного сообщества пока не достигнуто согласия по поводу того, кого следует зачислить в ряды андеркласса. Критериями выделения данной страты называют ее маргинальное экономическое положение, крайняя степень социальной депривации, контркультура как система альтернативных ценностей, получение социальной помощи от государства на постоянной основе.

В этой совокупности трактовок целесообразно выделить две основные интерпретации – структуралистскую и аксеологическо-поведенческую. В попытке сочетать оба подхода Аулетта выделяет четыре группы внутри андеркласса: 1) пассивных бедных, то есть тех, кто в течение длительного времени получают государственную помощь; 2) агрессивных уличных преступников, наркоманов; 3) лиц, занятых в теневой экономике; 4) травмированных пьяных, бродяг [Моррис, 2003]. Критикуя авторов смешения понятий "преступности, бедности и невежества" (М. Катц), сторонники интерналистской точки зрения пытаются не столько выйти за рамки намеченного подхода, сколько по возможности расширить его [Моррис, 2003]. Некоторые социологи (О. Льюис, Х. Генс) стремятся обосновать данный взгляд с помощью концепции культуры бедности, согласно которой жизненный опыт, накопленный в условиях бедности, воспроизводит соответствующую субкультуру. В рамках такой позиции акцентируются следующие факторы возникновения андеркласса: предоставление социальных пособий государством для поддержания самых элементарных условий существования; отсутствие или слабость этики труда и, соответственно, трудовых мотиваций; поколенческая преемственность и наследуемость образа жизни и культурной специфики андеркласса.

Жвितिашвили Анатолий Шалвович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Поборники структурного подхода предпочитают анализировать феномен андер-класса прежде всего в системе экономических отношений, а не в рамках социопсихологических и социокультурных факторов. Основой для смещения теоретико-методологических акцентов служит радикальная трансформация сферы производства и трудовых отношений. Главным итогом перехода от индустриального общества к постиндустриальному стало появление так называемого "информационного общества". В нем знание и информация становятся, по словам Т. Стюарта, "исходным материалом" и "конечным продуктом их деятельности" [Новая... 1999]. М. Кастельс, развивая эту концепцию, пишет о формировании "информационного общества". По его мнению, термин "информационный" указывает на "атрибут специфической формы социальной организации, в которой... генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти" [Кастельс, 2000, с. 42].

Базовые изменения, соответственно, произошли и в системе трудовых отношений. Одно из кардинальных следствий этого процесса – "индивидуализация труда". "Мы являемся, – отмечает Кастельс, – свидетелями обращения вспять исторической тенденции к наемному труду и социализации производства... индустриальной эры" [Кастельс, 2000, с. 255]. По оценкам А. Гидденса, сегодня менее 20% рабочих мест в экономически развитых странах сосредоточены в сфере традиционных отраслей промышленности [Моррис, 2003].

Попытки провести демаркационную линию между парадигмой культуры бедности и социально-экономическим подходом не всегда выдерживаются в рассуждениях авторов структуралистски ориентированных концепций. Не все исследователи готовы рассматривать категорию безработных в качестве ключевого элемента андеркласса. Так, Л. Моррис выступает против включения безработных в андеркласс. Кастельс не считает тенденцию роста безработицы определяющей и отказывается принять тезис о том, что Запад движется в направлении "безработного общества". Такая точка зрения подтверждается некоторыми фактами. В Германии, например, получатели социальных пособий обязаны отбывать их в сфере общественно полезного труда. Кроме того, во многих странах среди тех, кто официально зарегистрированы в качестве безработных, есть группы людей, занятых в сфере теневой экономики или имеющих побочные, часто случайные, заработки.

Для оценки анализируемой позиции следует принять во внимание и такой феномен, как институт "профессионального нищенства". Профессиональные нищие проходят специальную подготовку, чтобы как можно убедительнее сыграть свою социальную роль. Заработки этой группы могут даже превышать доходы государственных служащих среднего звена управления (как, например, на Тайване). Тем самым образ нищего принимает форму символической реальности в виде так называемого социального "реалити-шоу", которое становится хорошо продаваемым товаром. "Производство" такой реальности выявляет еще один аспект символизации классово-стратификационных отношений в условиях постиндустриального общества. К "символическому классу", определяемому как социальная группа, зарабатывающая "деньги, имея дело лишь с символами", обычно относят продюсеров, издателей, политиков, работников средств массовой информации [Новая... 1986, с. 184]. Новизна ситуации состоит в том, что в этот ряд символических производителей начинает включаться и институт профессиональных нищих при всех отличиях этой социальной группы от представителей индустрии развлечений, спортивных звезд или работников, занятых в сфере информационных технологий. Все эти процессы размывают социальные границы депривированных слоев вообще и безработных в частности, что только осложняет задачу идентификации андеркласса с просто неимущими слоями общества.

Недостаточность интерналистской интерпретации вызвала появление иных концепций, которые можно назвать экстерналистскими. Их сторонники считают андеркласс особой социальной группой, состоящей из семей иммигрантов. И. Валлерстайн описывает эту страту как плохо оплачиваемую, социально неинтегрированную и лишнюю политических прав [Валлерстайн, 2001, с. 384]. Другой представитель этой

точки зрения – Р. Клаттербак также рассматривает андеркласс в качестве значимой социальной группы, состоящей из "непропорционально большого числа иммигрантов, часто становящихся добычей в руках наркоторговцев" [Clutterbuck, 1990, p. 184]. Несмотря на различия в позициях Валлерстайна, относящего андеркласс к "низшему слою рабочего класса", и Клаттербака, предпочитающего рассматривать его в качестве отдельной страты, оба социолога сходятся в том, что важные признаки андеркласса – принцип социального исключения, связь со средой иммигрантов, участие в криминальном бизнесе. Более того, сопоставление подходов этих социологов со взглядами сторонников интерналистского направления показывает общность ряда позиций. Прежде всего их объединяет рассмотрение андеркласса в рамках модели социального исключения. Как подчеркивает Гидденс, "исключение не обозначает градацию неравенства, но является механизмом, отдаляющим группы людей от главного социального потока" [Современная... 2004, с. 267]. Как и "интерналисты", "экстерналисты" отмечают также присутствие групп наркозависимых в составе андеркласса. Их расхождения возникают там, где появляется необходимость учета новой социальной силы – иммигрантов. Признание за андерклассом "иммигрантского" происхождения позволяет адекватнее оценить направление социально-стратификационных процессов в современных западных обществах. Эти процессы направляются не только внутренними изменениями, но и глобализационными факторами.

Возникновение андеркласса отражает процесс дихотомизации современного пост-индустриального общества, смену основных социальных тенденций, выразившуюся в кризисе государства благосостояния, сокращении среднего класса, трансформации самой категории капитала. Социально-экономическая перестройка современных западных обществ на основе развития информационных технологий и средств массовой коммуникации, процессы "индивидуализации" труда, формирование "индивидуализированного общества", неэффективность бюрократических структур, порожденных правлением западноевропейских социал-демократий, крах "реального социализма" существенно поколебали широко распространенное, и прежде всего в Европе, убеждение в безальтернативности государства всеобщего благоденствия [Бауман, 2002].

Так, Ф. Хайек считал "шведский социализм" "новым тоталитаризмом". Избранный в 2007 г. на пост президента Франции Н. Саркози вел свою электоральную кампанию под флагом критики государства благосостояния. Следствием кризиса *welfare state* стало сокращение государственных расходов, которое, по мнению западных социологов (Валлерстайн, Л. Туроу, Кастельс), угрожает существованию среднего класса. Хотя в развитых странах средний класс составляет от 50 до 60% населения, он, тем не менее, не сумел избежать тенденции к поляризации [Российская...1998, с. 191]. Более того, "начался процесс падения как роли в обществе, так и уровня жизни" среднего класса [Шкаратан, Иняевский, 2007, с. 62]. На противоположном андерклассу полюсе социальной иерархии находится капитал, в котором уже нелегко узнать класс буржуазии индустриальной эпохи. "Ни социологически, ни экономически такой категории, как глобальный класс капиталистов, не существует. Вместо него имеется взаимосвязанная, глобальная система капитала... над многообразием буржуа... объединенных в группы, восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями" [Кастельс, 2000, с. 500].

Возникает вопрос, почему именно определенная иммигрантская группа должна рассматриваться в качестве андеркласса? Почему к нему не могут быть отнесены другие группы неимущих – бедные слои, пауперы или люмпен-пролетариат? Прежде чем ответить на поставленные вопросы, сопоставим три последние социальные категории.

Как отмечают исследователи, бедные слои – не однородная страта. В ней выделяются высшие бедные слои (удовлетворение самых необходимых социальных, культурных, экономических потребностей), средние бедные слои (удовлетворение потребностей в пределах физиологического минимума) и низшие бедные слои (удовлетворение потребностей ниже физиологически допустимого минимума) [Новый... 2002]. Последнюю группу логично отождествить с пауперами. Стало быть, пауперизм не тождествен бедности вообще, а обозначает лишь нижний порог этого социального слоя.

Специфическую группу общества составляет люмпен-пролетариат. Его особенно обычно называют деклассированность. Однако она не всегда была сущностной характеристикой люмпен-пролетариата. Он занимает разное социальное положение в различных общественно-экономических системах и, соответственно, имеет разную социальную природу. Представители античного люмпен-пролетариата существовали за счет правительственной поддержки, получая от государства "хлеб и зрелища". Их социальный статус как свободных людей был выше социального статуса рабов. К положению античного люмпен-пролетария приближается положение современного "вечного безработного" или "потомственного велфериста", существующих на государственные пособия. Люмпен-пролетариат эпохи промышленного капитализма – уже не следствие системы социального паразитизма, он возник в результате распада доиндустриальных форм социума.

Вместе с тем следует иметь в виду, что социальные границы между бедными, пауперами и люмпен-пролетариатом подвижны, а взаимопереходы из одного слоя в другой более чем возможны. Принятое в Европейском союзе определение бедности, согласно которому "под бедными понимаются те люди, семьи или группы людей, чьи материальные, культурные или социальные ресурсы ограничены таким образом, что они исключены из минимально приемлемого образа жизни в обществе", подчеркивает общность всех отмеченных выше социальных групп, объединенных принципом социального исключения [Новый... 2002, с. 105]. Внешняя схожесть их положения с социальной позицией андеркласса порождает впечатление, что речь идет об однотипных явлениях. Думается, однако, что эти группы не могут служить историческим аналогом андеркласса. Последний отличается от других малоимущих слоев населения по ряду существенных признаков.

Прежде всего это исторически новое явление, продукт глобализованного мира. Его рождение обусловлено несколькими тенденциями, среди которых особую роль играют рост числа иммигрантов из менее благополучных стран в зоне "золотого миллиарда" и укрепление позиций теневой экономики. Развитию этих тенденций способствует глобализация как современный общецивилизационный контекст, стимулирующий распространение сетевой организации социума. Как отмечает А. Мартинелли, "впервые в истории... люди поставлены в глобальные... социальные сети. Системы производства и рынки координируются на уровне мира. СМИ достигают своими посланиями массы людей во всем мире... Материальные и символические коммуникации означают сжатие времени и пространства. Но нет нормативного консенсуса, отвечающего всему этому и способного основать приемлемые для широкой общечеловечности институты демократического глобального управления" (цит. по [Кузнецов, 2003, с. 477]). Созданные на Западе информационные технологии не только превращают мир, говоря словами М. Маклюэна, в "глобальную деревню", но и позволяют обитателям сельских районов развивающихся стран видеть западное "изобилие", вызывая у них острое желание приобщиться к нему [Mahbubani, 1998].

Еще один важный фактор – появление "безгосударственных обществ". Тенденция к их образованию прослеживается в некоторых странах Азии и Африки. Феномен "безгосударственных обществ" отражает кризис современных национальных государств и связан с появлением *failed states* (несостоявшихся государств) с их хроническими социальными неурядицами, коллапсирующей экономикой, неурегулированными вооруженными конфликтами и массовой эмиграцией. А. Хадениус обращает внимание на то, что лидеры таких стран имеют связи с международным капиталом, осуществляющим контроль над природными ресурсами. Это, по мнению шведского социолога, вызывает анархию как внутри, так и за пределами этих стран, питает международную преступность [Переосмысляя... 2003, с. 29]. Этот процесс стал одной из причин роста современной теневой экономики, превращающейся в весомую составляющую глобальной экономики. К концу прошлого столетия ежегодный оборот только в наркобизнесе достигал 500 млрд долл. [Clutterbuck, 1990, p. 8]. Ежегодная прибыль транснациональных криминальных организаций составляла в 90-е гг. XX в. от 30 до 50 млрд долл. [Актуальные... 1997]. В Великобритании, например, объем нелегальных вложений в

экономику, полученных за счет средств, вырученных от наркоторговли и финансовых махинаций, за тот же период составил 1 млрд ф. ст. в год [Clutterbuck, 1990, p. 184].

Действие всех этих факторов приводит к глобальному перераспределению мировых трудовых ресурсов, стимулируя демографическое наступление стран Юга на государства Севера. В результате в западном мире возникают большие конгломерации иммигрантов из бедных стран. В 90-е гг. XX в. в государствах Евросоюза число иммигрантов, вовлеченных в производственную деятельность, составляло немногим менее 50%. В то же время иммигранты в Европе и США получали в среднем 55–70% от заработной платы коренного населения, а безработица среди них вдвое превосходит средний уровень безработицы среди американцев и европейцев [Иноземцев, 2003, с. 67–68]. Численность иммигрантов в экономически активном населении европейских стран колеблется от 0,9% в Италии, 1,0% в Испании и Финляндии, 1,3% в Португалии, до 8,6% в Германии и 9,9% в Австрии. Непропорциональна велика в этом захлестнувшем западный мир иммигрантском потоке доля выходцев из мусульманских стран. Самая большая мусульманская община существует во Франции (от 5 до 6 млн человек). Великобритания и Германия по разным данным приняли от 3 до 4 млн человек, Голландия – 1 млн. Всего в Европе проживают 15–20 млн мусульман, при этом 80% всех турок, живущих в Евросоюзе, – в Германии, 86% тунисцев и 61% марокканцев и алжирцев – во Франции [Иноземцев, 2003, с. 68].

Конец XX в. и начало XXI в. вновь отмечены, как и в прошлом, встречей двух культурных миров – западного и исламского. На этот раз такая встреча происходит на западной цивилизационной "площадке". Это один из парадоксальных результатов многовековой западной, в частности европейской, экспансии. Похоже, исламская инфильтрация в Европу застигла ее врасплох. Имеющиеся в распоряжении Запада средства защиты – политкорректность и мультикультурализм – больше не срабатывают во взаимодействии с инородной культурой. Как отмечают исследователи, "обе стороны – и мигранты и коренное население – неизбежно стремятся скорее сохранить собственные традиции, чем усваивать чужие" [Иноземцев, 2003, с. 70]. Вместо ожидавшейся социокультурной ассимиляции в Европе появляется все больше кварталов, пространственно и культурно ограждающих мусульман от западного образа жизни (своего рода гетто), растет число мечетей. Так, в Германии в 1969 г. было всего три мечети, а в 1990-е гг. их стало уже 1,5 тыс. [Иноземцев, 2003, с. 68]. Рост числа мечетей наблюдается во Франции, Великобритании, Голландии и даже Испании.

Д. Муази пишет о страхе европейцев «оказаться в демографической осаде по мере того, как Европа превращается в "Еврабию"» [Муази, 2007, с. 9]. Это обстоятельство во многом объясняет неудачу европейских демократий интегрировать иммигрантов в западное общество. Положение стран Евросоюза осложняется еще и тем, что они нуждаются в притоке новой рабочей силы из-за острой демографической ситуации, сложившейся в этих странах, – низкой рождаемости местного населения и его быстрого старения. Кроме того, как пишет Р. Сафранский, «западная культура, основывающаяся на принципе свободы и отделении религии от политики, – это "холодный" проект. Мы на Западе вступили в эпоху секуляризированного политеизма. В плюралистическом обществе много богов, много ценностных ориентаций... У сторонников "горячих" фундаменталистических смыслоустремлений все это может вызывать ненависть и презрение. Зловещая война культур фактически уже разразилась – и внутри западного мира, и за его пределами» (цит. по [Мотрошилова, 2004, с. 4–5]).

После событий 11 сентября 2001 г. проблема "войны культур" была переведена из области отвлеченных теоретических дискуссий в плоскость конкретных политических решений. Конфликт ценностей, носивший до сих пор скрытый характер, выплеснулся на поверхность западной социальной жизни. Прогремевшие 11 марта 2004 г. в Испании взрывы поездов, унесшие десятки жизней, показали, что ареной этого конфликта становится и европейский континент. В 2004 г. в Голландии был убит режиссер Т. ван Гог только за то, что он показал реальное положение женщин в исламском мире. Следствием этого преступления стали массовые беспорядки на межрелигиозной почве, в ходе которых были разгромлены и сожжены церкви и мечети. Часть гол-

ландцев (хотя и незначительная) выехали в более спокойные, с их точки зрения, страны – Канаду, Новую Зеландию, Австралию.

В 2005 г. волна террористических актов прокатилась по Великобритании. В том же году Францию охватили массовые волнения, в которых участвовали не только дети получивших статус гражданства мигрантов из арабских и африканских стран, но и нелегалы. Неудивительно, что в европейских странах реакция на присутствие иммигрантов оборачивается ростом националистических настроений, обеспечивающим популярность праворадикальных партий. Так, на состоявшихся в 2002 г. президентских выборах во Франции Ж.-М. Ле Пен даже вышел во второй тур. В других европейских странах за правых радикалов голосуют в среднем 16–17% избирателей [Иноземцев, 2003, с. 69]. Европейскому сообществу остается прибегать к паллиативным мерам – депортации незаконно въехавших иммигрантов, борьбе с преступными этническими группировками, запрету мусульманкам носить хиджабы. Подобные меры не только не решают проблем иммиграции, но и (как в последнем случае) вступают в конфликт с нормами демократии, политкорректности и мультикультурализма.

В западном мире интенсивность мусульманской миграции не везде одинакова. Доля мусульман, иммигрирующих в США, несопоставимо меньше, чем процент мусульман, устремляющихся в Европу. Среди иммигрантов, въезжающих в Америку, преобладают выходцы из латиноамериканских государств. "Христианский" характер такой иммиграции снимает остроту проблемы культурной несовместимости, но одновременно ставит другую – проблему изменения баланса сил между белым англоязычным населением и иммигрантами иberoамериканского происхождения. В некоторых штатах (Флорида) уже сейчас доминирует испанский язык. В США доля "латинос" каждые пять лет увеличивается более чем на 10%.

Из специфики генезиса андеркласса вытекает другое его принципиальное отличие – отсутствие у его представителей статуса гражданства. Возможность обладания им в условиях массовой иммиграции, жестких мер, предпринимаемых западными правительствами по высылке нелегальных иммигрантов, можно рассматривать как важный фактор социальной дифференциации.

Феномен андеркласса может быть описан в терминах концепций М. Вебера и П. Бурдьё. Вебер выделял среди факторов классовообразования не только частную собственность на средства производства, но и такие внеэкономические критерии, как уровень квалификации, навыки, образование. В классификации классов немецкого социолога методологический интерес для анализируемой темы представляет понятие "негативно привилегированных классов собственников". К ним были отнесены "зависимые", "декассированные" ("античный пролетариат"), "должники", "пауперы" [Weber, 1978, р. 302–303]. Таким образом, андеркласс в рамках подхода Вебера можно определить как "негативно привилегированный класс собственников", возникающий в результате отсутствия гражданства как одной из внеэкономических форм собственности (наряду с квалификацией, опытом, образованием).

Дополнительные возможности для понимания социальной природы андеркласса дает концепция множественности форм капитала Бурдьё. Наряду с экономическим капиталом французский социолог выделяет культурный, в том числе информационный, капитал, социальный капитал, символический капитал, разновидностью которого он называет политический капитал. Позиции агентов в социальных полях распределяются как по общему объему капитала, которым они обладают, так и по сочетаниям своих капиталов, то есть по весу разных видов капитала в системе отношений собственности как одного из действующих свойств [Бурдьё, 1993, с. 58; 93–94]. Так, документ, подтверждающий право владения, указывает на экономическую собственность, диплом или ученое звание – на культурную, дворянский титул – на социальную. В терминах концепции Бурдьё представители андеркласса принадлежат к совокупности "агентов", которые "прибегают к практической или символической стратегии с целью максимизировать символическую прибыль от номинации" [Бурдьё, 1993, с. 74]. В случае андеркласса речь идет о негативной номинации, вызывающей классовую дифференциацию по отношению к обладанию званием гражданина как институционализиро-

ванной и законной формы символического капитала. С этой точки зрения, андеркласс – социальная группа, место которой в классово-стратификационной структуре определяется отсутствием статуса гражданства как способа исключения доступа такой группы ко всем конституционно гарантированным правам человека.

Поэтому такие признаки, как участие в теневой экономике, исключение из сферы социальных, гражданских, экономических прав, простая принадлежность к иммигрантам, сами по себе не являются отличительными признаками андеркласса. Их могут разделять другие социальные группы, например бедные слои или пауперы. При том, что доступ этих групп к жизненно важным средствам человеческого существования затруднен, они тем не менее не лишены гражданства в своих странах, вследствие чего сохраняют право на получение социальной помощи на постоянной основе со стороны государства. Не случайно западные социологи практически единодушно выделяют в качестве одного из базовых признаков низших социальных слоев получение ими государственных пособий. Однако этого права из-за отсутствия статуса гражданства не имеют легальные иммигранты, которые, исходя из излагаемых здесь соображений, и составляют подлинный андеркласс. В этом отношении он представляет собой крайнюю форму социального исключения, отделяющую его даже от социальных групп с самыми низкими статусными позициями.

Специфика андеркласса состоит также в его смешанной природе. Наряду с теми, кто лишены собственности, в андеркласс входят и представители криминального капитала (владельцы нелегального бизнеса, наркоторговцы). Смешанная природа андеркласса меняет критерии классовой принадлежности. Андеркласс не подпадает полностью под традиционное понимание класса, которое выделяет в качестве его основных признаков отношение к средствам производства и вытекающую отсюда величину дохода. Эти признаки оказываются недостаточными для понимания данной социальной группы. Андеркласс не вмещается в рамки обычного понимания категории класса еще и потому, что входящие в него страты не объединены между собой общими ценностными предпочтениями, поведенческими паттернами и не осознают себя как класс. В терминах традиционного классового анализа андеркласс можно определить не как "класс для себя", а как "класс в себе". Не будучи классом в обычном смысле слова, андеркласс может рассматриваться в качестве класса в символическом понимании этого термина, то есть как совокупность "негативно привилегированных" владельцев социального и символического капитала. Существование андеркласса – пример возникновения нового социального института из неформальных практик, той формы сетевых отношений нелегитимного типа, которая рождается из отсутствия у иммигрантов статуса гражданства, играющего особую роль в условиях массовых миграционных потоков, стимулируемых глобализацией.

В 2007 г. только в странах Евросоюза насчитывалось примерно 10 млн нелегальных иммигрантов. Однако потенциал андеркласса не исчерпывается этими данными. По оценкам исследователей, в современном мире до 1 млрд человек – либо официально, либо скрытые безработные. Основная масса этих людей сосредоточена в так называемой "мировой деревне" – странах Юга. Этот "безработный" миллиард и представляет собой неисчерпаемый социальный резервуар для роста как низших классов вообще, так и андеркласса в особенности. Андеркласс дифференцирует рабочую силу по признаку принадлежности либо к институционализированной и законной, либо к неинституционализированной и незаконной трудовой деятельности, группируясь вокруг отсутствия статуса гражданства как фактора доступа к социальным ресурсам страны проживания.

Неспособность современных развитых обществ Севера приступить к широкой социальной интеграции иммигрантских масс из стран Юга, значительный отток последних в структуры теневого бизнеса окрашивают конфликт интересов в криминальные тона, активизируют использование политического и неполитического насилия. Это существенно затрудняет возможность направить конфликтные отношения в русло легитимных социокультурных форм. В результате происходит эскалация радикальных настроений, иррационализация социальных практик. Повышенная восприимчивость к экстремистским формам политической активности и, соответственно, к "абсолютист-

ским" идеологиям представляет собой источник исходящих от андеркласса угроз для социальной стабильности в современном мире.

На роль персональной идентичности в формировании мотиваций для участия в радикальных и террористических движениях обратил внимание социальный психолог Э. Эриксон (см. [Long, 1990, p. 20]). Согласно его концепции, развитие идентичности личности служит основой ее целостности. Идентичность развивается в коллективном опыте семейных, этнических, коммунальных групп. Краеугольный камень идентичности – чувство доверия. Индивиду нужна вера в нечто большее, чем он сам. Двусмысленность, релятивизм способны вызвать кризис идентичности. Понимание идентичности личности в концепции Эриксона перекликается с определением социального капитала в интерпретации Ф. Фукуямы, который рассматривает его как "возможности, возникающие из наличия доверия в обществе", "естественную склонность к объединению" как на уровне семьи, так и на уровне "всего народа" [Новая... 1999, с. 134–135]. Понятием, объединяющим подходы Эриксона и Фукуямы, выступает доверие. Без него нельзя ни сохранить персональную идентичность, ни накопить социальный капитал, ни достичь интеграции различных групп общества, ни добиться укрепления государства.

Состояние идентичности и объем социального капитала могут по-разному отражать позиции той или иной социальной группы. Применительно к андерклассу это означает, что в данной стране существует наиболее низкий уровень доверия к институционально-легитимным формам социальной жизни и повышенный уровень доверия к нелегитимным формам социальной активности. Иными словами, существование андеркласса служит индикатором состояния персональной идентичности и объема социального капитала в их негативном и позитивном выражении. В условиях социального исключения, где иммигранту без статуса гражданства легче всего перекрыть доступ к социальным ресурсам страны проживания, и глобализации с ее фрагментацией социальных отношений представители андеркласса беспрепятственно вовлекаются в процесс социальных фрустраций и становятся удобным объектом манипуляций со стороны радикально или криминально ориентированных сил. "Андеркласс, – подчеркивает Р. Дарендорф, – это не революционная сила, а сила, заставляющая ощущать свое присутствие преступлениями, нарушениями общественного порядка, а также образующая изменчивую воинственную группу на одном из концов политического спектра" [Современная... 2004, с. 267].

Специфика ценностно-политической ориентации андеркласса выявляет двойственный характер его ресурсности. Несомненно, он наиболее слабая ресурсная группа в социально-стратификационной структуре постиндустриального общества. Однако такая оценка подразумевает лишь отсутствие позитивной ресурсности. Напротив, с точки зрения негативной ресурсности андеркласс представляет собой сильную социальную группу, где под сильной негативной ресурсностью понимается обладание социально деструктивным потенциалом. В этом отношении его следует рассматривать в качестве исторически долговременного фактора дестабилизации современных западных обществ, способного играть возрастающую роль в воспроизводстве острых форм социального конфликта.

Андеркласс как социальный институт не был учтен теоретиками ранней версии постиндустриализма. В ней предсказывалась эволюция общества в направлении более "совершенных" форм [Штомпка, 1996, с. 114]. Укрепление позиций андеркласса рассматривает возможность такой эволюции, обозначая тенденцию к смене модели роста "позитивно привилегированных классов собственников" на основе восходящей социальной мобильности процессом увеличения "негативно привилегированных классов собственников" на основе нисходящей социальной мобильности. Феномен андеркласса отражает символизацию социально-стратификационных отношений, характеризующую переход от классовой структуры индустриального общества к социальной структуре постиндустриального мира. Будучи крайней формой социального исключения, андеркласс обрекает попытки его социальной интеграции на неудачу.

Это выявляет пределы интеграционных возможностей современного постиндустриального общества. Здесь кроется ответ на вопрос о том, почему западному капи-

тализму, который в прошлом смог обуздать враждебные ему социальные силы (например, рабочий класс с его притязаниями на более широкое участие в распределении и потреблении общественного богатства), сейчас не удастся сделать то же самое в отношении андеркласса. Это типичный продукт глобализации и ее следствий – демографического давления стран Юга на государства Севера и образования мировой теневой экономики. Отражая тектонические сдвиги в системе мирового хозяйства, андеркласс указывает на нарастающую тенденцию к дихотомизации в современном мире, характер которой существенно усложнился по сравнению с прошлым. Она стала не только социально-экономической, но и культурно-цивилизационной.

Впервые в недрах западного сообщества возникает враждебная его устоям социальная сила, сформировавшаяся не в лоне западной культуры, а за ее пределами. Как страта с инородными ценностными и поведенческими паттернами андеркласс образует один из сложных узлов межцивилизационного взаимодействия. В отличие, например, от рабочего класса андеркласс несет в себе не просто возможность изменения социальных институтов, а угрозу смены вектора культурно-цивилизационного развития. Такой поворот, если он произойдет, не будет совпадать с господствующими представлениями о прогрессе. Вместе с тем в культурно-цивилизационном отношении андеркласс не является чем-то однородным. В нем выделяются два основных сегмента – "христианский" (иммигранты из стран Восточной Европы и Латинской Америки) и "исламский". Поэтому его угроза воспринимается по-разному в разных частях западного мира. В наиболее острой форме она дает о себе знать в европейских странах, в менее кричащей – в США. Пока поиск решений несопоставим с масштабом проблемы. Опыт двух последних десятилетий демонстрирует невозможность ее решения в рамках мультикультурной модели развития. Это делает более правдоподобной мысль С. Хантингтона о столкновении цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Актуальные проблемы Европы: проблемы терроризма. Вып. 4. М., 1997.
Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия (историко-социологический очерк) // СОЦИС. 2003. № 4.
Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000.
Кузнецов В.Н. Социология безопасности. М., 2003.
Моррис Л. Андеркласс. Date of access: 05.02. 2003 (<http://socnet.narod.ru>).
Мотрошилова Н.В. Идея единой Европы: философские традиции и современность. Ч. 2 // Вопросы философии. 2004. № 12.
Муази Д. Конфликт эмоций // Россия в глобальной политике. 2007. № 1.
Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
Новый социальный облик Восточной Европы. М., 2002.
Переосмысления современности. Материалы международной конференции (II) // Полис. 2003. № 3.
Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
Современная конфликтология: пути и средства содействия развитию демократии, культуры мира и согласия. 30 сентября–2 октября 2004 г. Тезисы докладов и выступлений на международном конгрессе конфликтологов. Т. 2. СПб., 2004.
Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен) // Общественные науки и современность. 2007. № 4.
Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
Clutterbuck R. Terrorism, Drugs and Crime in Europe after 1992. London, 1990.
Long D. The Anatomy of Terrorism. New York, 1990.
Mahbubani K. Can Asians Think? Singapore–Kuala Lumpur, 1998.
Weber M. Economy and Society. Vol. 1. Berkley, 1978.